

Надежда Осьмицина

Вердная Русь

*Дочери Дарье
и всем, кого люблю*

Впервые жизнеописание Андрея Рублёва представлено поэмой. Земное служение гениального русского иконописца и его путь к святости Надежда Осьминина предлагает осмыслить и сопережить в контексте исторических событий Древней Руси. Православную тему продолжают избранные стихотворения автора.

ОСЬМИНИНА Н. В.

Андрей Рублёв. — М.: Образ, 2013. — 80 с.
ISBN 978-5-906009-46-3.

Имя Надежды Осьминой известно в российской журналистике по статьям, очеркам, сценариям документальных фильмов. Книга «Узы» — другая грань её творчества, поэтическая. Извечные темы русской поэзии — любовь, надежда, вера — звучат в её стихах, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Злободневная публицистика и размышления о смысле бытия — совместимы ли эти два начала? Да, совместимы, и книга «Узы» это подтверждает.

ОСЬМИНИНА Н. В.

Узы. — М.: Эпифания, 2004. — 150 с.
ISBN 978-5-86170-014-1.

Надежда Осьминина

*Вербная
Русь*

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
образ
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
О 79

О 79 Осьминина Н. В.

Вербная Русь / Стихотворения, поэма. — М.: ОБРАЗ, 2016. — 146 с. — (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-9907665-0-1

Книга стихов Надежды Осьминовой «Вербная Русь» продолжает её предыдущие книги «Андрей Рублёв» и «Узы» не только хронологически. Развивая темы любви, веры, Родины, её истории и современности, автор философски осмысливает время и своё место в нём, утверждая духовность как основу мироздания. Читателя не оставит равнодушным пронзительная и глубокая поэзия «Вербной Руси». В книгу вошли лирические стихи, а также поэма, посвящённая Святой Блаженной Исповеднице Матроне Анемнясевской.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастные ограничения: 18+.

Печатается в авторской редакции. Мнение автора может не совпадать с позицией издательства.

ISBN 978-5-9907665-0-1

© Надежда Осьминина, 2016
© ОБРАЗ, оформление, 2016

Вербная
Русь

* * *

Может, для кого-то это новость,
Что мои сермяжные стихи
Из избы бревенчатой, сосновой
Вышли, как Россия — из сохи.

Вышли на дороги, перелески,
К устьям рек, в открытые моря,
Измеряя вечностью отрезки
Горизонта, где встаёт заря.

Наскитавшись, напивавшись соком
От зимы очнувшихся берёз,
Возвращаются стихи к истоку,
Полные любви и чистых слёз,

Чтоб усталых путников к постою
Зазывать с высокого крыльца,
И сукном, сермяжной теплотой,
Согревать замёрзшие сердца.

Глобус

Из двух составлен полушарий,
Меридианами скреплён...
Географический глоссарий
С бессмертием отождествлён.

Здесь очертанья Атлантиды
Видны сквозь горные гряды,
И реки синие Изиды,
И Рамы дивные сады.

Под парусами мегалиты —
Гипербореи корабли
Плывут навстречу с Аэлитой,
Достигшей наконец земли.

Набрав космическую скорость,
Вращается вокруг оси
Оживший глобус, чтобы скоро
У Древней мы сошлись Руси.

Орнамент

Проснулась Елена Прекрасная
И в тереме пряжу прядёт.
Под пальцами нежными ясное
Морозное солнце встаёт.

Глаза слюдяные откроются
Всех окон, смотрящих на юг,
И вдруг зацветёт за околицей
Под крыльями бабочек луг.

На западе крутится мельница,
Но сердце летит на восток.
О чём ты задумалась, девица,
В какой стороне твой исток?

Где краски берёшь для вязания
Своей древнерусской судьбы?
Узоры плетёт осязание
Огня, и камней, и воды...

Пространство раздвинулось тесное,
И стало просторней любить...
Земное сплела и небесное
Орнаmenta красная нить.

Шапка-невидимка

Я однажды примерила шапку,
Ту, из детства, где сказки живут —
Куклы, фантики и лошадки...
Невидимкою шапку зовут.

Не сказали мне добрые люди,
Что носить её долго нельзя —
Из-под ног вместе с нею убудет
И моя золотая стезя.

Грянул гром, и я догадалась —
Шапку — оземь, и молния вдруг
Осветила меня и распалась
На горячие звёзды вокруг.

...Я увидела землю с овчинку.
И с тех пор, как иголку в стогу,
Шапку ту... ищу, невидимку,
И никак найти не могу.

Медовый Спас

Не бабочки, не муравьи, а пчёлы
Всё трудятся, чтобы, добыв нектар,
Его переработать в тельце полом
И Богу принести волшебный дар.

В нём одуванчик, мята и ромашка,
И липы цвет, и кисточки ольхи,
И даже след таинственной букашки,
И даже чьи-то первые стихи.

Под солнцем созревающего лета,
Открытого для отроческих од,
Сияют смыслы Нового Завета,
И сладкий капает на землю мёд.

Лефортово

Здесь ручеёк бежал Кукуй
На встречу с Яузой широкой,
И серебро высоких струй
Светилось, падая с Востока,

С того высокого холма,
Где водопад, облагорожен,
Сведёт всех барышень с ума
Через века, на сон похожий.

И, томным взглядом поведя,
Они в объятья кавалеров
Падут, весёлый путь пройдя
По парку, созданному с верой,

Что будут лебеди в красе
Друг к другу нежно прикасаться,
Цвести сирень, стоять в росе
Ромашки, лилии купаться...

Быть может, всё это ещё
Когда-нибудь сюда вернётся,
Ведь есть у разума расчёт,
Что слово делом назовётся.

А если нет — пиши «прошло»,
Или — «пропало», как хотите:
Июня жаркое число
И судеб солнечные нити.

* * *

Олечке — с любовью

Тёплый вечер шьёт кафтаны,
На примерку ходит город,
И цветут, цветут каштаны
Жизнерадостно и скоро.

Всё мороженое — детям!
Угощать их мама рада,
И шалить, смеяться, петь им
Разрешает до упада,

Потому что снова лето
Белой бабочкой летает
Средь каштанового цвета,
И мороженое тает.

Потому что солнце рядом
На скамейке золотится,
Раздаёт свои награды
Людям, бабочкам и птицам.

И весь мир вокруг щебечет —
Переполнен восхищеньем
Единения наречий,
Не имеющих значений...

Наш Орфей

Андрею — с любовью

Звук пронзительный,
и нежный, и вприсядку —
Итальянский короток смычок.
Прилетают в нотную тетрадку
Стаи птиц и вьются между строк...

Но сегодня не игра по нотам,
А импровизация души —
Пусть танцуют фуги и гавоты
В русской песне цвета спелой ржи!

Музыки рождение великой
Сам Потёмкин наблюдает князь —
Солнца ослепительные блики
С неба вытирают пыль и грязь.

И в единстве разум, сердце, воля
Празднуют открытие небес.
Струны рвут шестнадцатые доли —
Скрипка превращается в оркестр!

Виртуоз Иван Хандошкин снова
Восхищает «высший свет» игрой...
Вот где русской музыки основа —
Путь её широкий, столбовой!

«Наш Орфей», — Ивана величают.
Сочинитель гениальных нот
Славу Паганини предвещает —
Итальянской музыки полёт.

Но не вспомнят праздные невежды
Вдохновенье русского лица
И забудут, что «Орфей наш» — прежде —
Ключ скрипичный взял из рук Творца!

Век немецкий перетёрся в душах,
И французский — не прижился в них.
Мне б Ивана музыку послушать
И вплести её в свой русский стих!

* * *

Небо над лесом далям безбрежным открылось —
Вышли на свет облака из-за тягостной тучи,
Лес потерял вдруг таёжную зябкость и стылость,
Став изумрудно-зелёным, большим и могучим.

Там, на пригорке высоком, деревня проснулась.
Вёдра гремят, петухи окрыляют заборы.
Что-то великое в мире стряслось и кольнуло
В самое сердце ласково-нежным укором:

Это не я просыпаюсь к работе с рассветом,
Это не я ставлю в печь золотистые хлебы,
Но для меня каждый день продолжается лето,
И для меня каждый день открывается небо.

Лев Толстой и «косуля»

Пора воспеть соху и плуг,
А то всё — трактора, комбайны...
Забыли, что зерно из рук
Летело в поле, в землю — в тайну!

Положен был крестьянский труд
В главу угла тысячелетий,
И съеден соли тяжкий пуд:
Родился хлеб... и сыты дети.

О, сколько у сохи имён:
Омач, отрез, рало, орало!
Язык могучий наш умён —
Его народность просвещала.

Ещё «косуля» в землю шла,
Пласт за пластом — благие раны,
На Льва Толстого снизошла,
Влюбившись в ясные поляны.

И Репин миг запечатлел:
Писатель-граф «косулей» пашет,
Чтоб вдовий облегчить удел...
И всё это навеки — наше!

Поколение

В трудах, любви, терпении
День прожит или век...
Там было вдохновение,
И первый падал снег,

Снежинками морозными
Касаясь жарких щёк,
С гудками паровозными
Сливаясь, а ещё:

Там было откровение —
Великая страна,
Где пятилеток рвение
Звенело, как струна,

И писем перлюстрация,
И тиканье часов,
Портретов демонстрации,
И камеры засов,

Таблетки, охи старости
И ночи без границ,
Но не было усталости!
Документальный блиц

Судьбы, как киноповести,
Где завтра счастье ждёт...
И пробужденье совести,
Что сердце моё жжёт.

* * *

Нам разрешили жить как прежде:
Читать стихи, ходить в театры,
Мечтать и полниться надеждой,
Что на столе наступит завтрак.

А разве мало этой доли,
Когда вокруг щебечут птички,
И за деревней длится поле,
Куда влекутся электрички.

Не искушайте, люди, время
И веселитесь, и ликуйте!
Судьбу пришпорьте,
ноги — в стремя,
Ей в уши дряблые подуйте,

Воскликните — какая роскошь
Весною против ветра мчаться...
Лети, лети, моя дорожка,
Тебе и небу — не кончаться!

* * *

Тысячелетье... Новый век
Играет в прятки с дрозofiлой.
Простая мушка между век
Его так долго сторожила.

Теперь моргает что есть сил:
Конфликты, войны, передраги.
А новый век юлой юлил,
Меня выцветшие флаги.

В его начале есть конец,
В его движенье — остановка.
И мушка царственный венец
Хватает с волчьей сноровкой.

Кто знал триумф — ушёл во тьму,
Кто был никем — пришёл к управе.
И я, ей-богу, не пойму
Ни здешних сил, ни здешних правил.

* * *

Мир погрузился в частности,
И ускользнуло целое.
Душа кричит в опасности —
Где чёрное, где белое?

Сплошное мифотворчество
На всех известных уровнях,
Сплошное одиночество —
Мы слишком рано умерли,

Не поборовшись с вымыслом
И захлебнувшись гласностью,
Как мамонты вдруг вымерзли...
Когда-нибудь для ясности

Всё объяснят учёные
Случившееся казусом —
Мол, жили, развращённые
Предельно низким градусом

Духовности и совести —
Ушла цивилизация.
Конец великой повести.
Пришла пора фрустрации...

* * *

О, мои солнца, у которых
Я каждый день прошу тепла!
Ко мне пришёл сегодня морок:
Россию я не сберегла...

Её бескрайние просторы
В ожогах мёртвых деревень —
Тяжёлой памяти укоры —
Отбросили на сердце тень.

Оно болит все эти годы,
Что расхищается добро,
Несётся идолу в угоду,
В его бездонное нутро.

О, мои солнца — свет дремучий,
Почти погасшие огни!
Я превращаюсь с вами в тучи
Среди вселенской западни.

Сверкают молнии и громы...
Изнанка мира на лице
Моей Отчизны. Где мы? Кто мы?
Огонь расплавленный в конце!

* * *

Родина, родник, народ
(Ведь прав Владимир Солоухин) —
Имеют корень общий — «род»,
Об этом вспомним в час разрухи.

Он подступил, как хитрый тать
На осторожных хищных лапах.
«Умом Россию не понять»,
Которая ушла на Запад.

И сердцем не понять её,
Вот разве жадным аппетитом —
Едим красивое гнильё
И тихо радуемся — сыты...

Когда бы глупая душа
Обняться с правдой захотела,
Взялась бы молча, не спеша
За богоправедное дело —

Покаялась, не пряча слёз,
И родники свои вернула.
Но продолжается износ.
И новый Сталин чистит дуло.

Процужка

Собачка в песцовых мехах —
Сапожки, шапчонка и шубка.
И это не хохма, не шутка —
Собачка в песцовых мехах

По снегу идёт величаво,
Ошейник алмазный блестит.
Она повернула направо,
Но голос хозяйки сердит,

Одёрнула шавку: «Налево!»
Но та, непослушно горда,
Направо рванула, где тело
Бомжихи, замёрзшей с утра,

Уже припорошено снегом,
Лежало под кипой газет...
И нет больше времени бега.
И хлеба насущного нет...

Хозяйка в песцовых мехах
Подумала: «Гнусная шутка».
Собачку ругала в сердцах
За то, что испачкала шубку.

2003 г.

Инсталляция в Москве

Свет пришёл в Россию, свет пришёл!
Фестиваль открылся у Кремля.
На столицу, как на щедрый стол,
Смотрит вся российская земля.

Разрывает небо фейерверк,
Башни ослепительно дрожат,
Вверх стреляет свет и только — вверх,
Воздух инсталлирующий сжат.

Это было раньше, когда высь
Освещала наше бытиё.
Нынче здесь соблазну поддались
Освещать подземное жильё,

Где гробы покоятся и прах
Предков замурован в кирпичи.
И сжимает сердце чёрный страх —
Кладбище разбужено в ночи.

* * *

Балалайки, свирели, гармошки...
Как же песни их хороши!
Ты послушай, хотя бы немножко,
Голоса окрылённой души...

Только где их услышишь сегодня?
Жизнь ушла из седых деревень.
И орёт, и гремит преисподняя,
Покоряя наш завтрашний день.

Под её оголтелые ритмы
Мы привычно шагаем в строю...
И одно утешенье — на битву,
На последнюю битву свою!

Зоя Космодемьянская

Притормозило Минское шоссе:
Напротив ДПС застыла Зоя,
Чей памятник в предутренней росе
Вот-вот шагнёт ко мне, чтоб стало двое

Нас, защитивших Родину тогда,
Под пытками на выжженном кострище...
Смогла бы я в те лютые года
Так за Москву стоять в глухом Петрищеве?

Сейчас мы повернём на Верею,
И слева резиденция Газпрома
Растянет территорию свою
Под солнцем моего родного дома.

Он рушится не взрывом, не огнём,
А ржавчиной под позолотой злою.
И плачем мы весёлым майским днём:
Живая — я
и бронзовая — Зоя...

* * *

Поёт Россия молодая,
Ей рукоплещет Запад живо,
Поёт, от бед изнемогая,
Фальцетом, да ещё — фальшиво.

Не в опере, а на подмостках
Экранов медиамагнатов —
Такого маленького роста,
Внушили: вечно виновата.

Но соль земли тому даётся,
Кто знает собственную силу.
Тому свобода достаётся,
Кто помнит древние могилы.

Страну лишили чернозёма...
Пришла пора её удобрить,
И через молнии и громы
Пройти. Покаяться. Одобрить.

Журналистка

Синеглазая девочка, здравствуй!
Это ты в журналистки рвалась,
Говорила влюблённо и страстно,
Что тебя ждёт четвёртая власть?

Машинисткой пришла на «Москабель»
Матерьялы в газету строчить,
Наступала на тысячи грабель,
Чтобы слово к себе приручить.

От Таймыра до Владивостока,
От Одессы до близкой Твери —
Что ни день, то не быт, а морока...
А душа всё кричала: «Гори!»

Как костры «перестройки» горели
И дурманила сладкая ложь!
Но играла судьба на свирели,
И кидала поэзия в дрожь.

Пусть наивными были расчёты
И обуглилась кожа в пути...
Синеглазая девочка, кто ты?
Приказавшая миру — «Лети!»

Нижегородские мотивы

Поедем в Городец — смотреть дома резные,
Кататься на санях под звоны бубенцов
И слушать, как поют про наши, про родные
Безбрежные края и подвиги отцов.

Здесь Волга разлилась широкою равниной,
Показывая путь на Север и на Юг.
Над ней — крутая высь и монастырь старинный,
Которого уж нет — лишь поля снежный круг.

Покружим и войдём в придел Преображенья,
Зажжём свечу веков пред образом Святым.
Запела тишина. Разбужено забвеньё.
Давай, мой дорогой, помолимся за Крым.

За Керчь и за Азов, Находку и Архангельск...
Как велика была российская земля!
Пред ней тогда стоял сам Михаил Архангел.
А кто теперь стоит у нашего руля?

Куда нам повернуть, налево иль направо,
На Запад иль Восток — не ведает никто.
Сжимает Волгу лёд. На дне — былая слава.
Давай, на посошок, по пятьдесят иль сто.

В Москву вернёмся, нет — Москва сюда вернётся,
В седые времена, где Аввакум стяжал
Огнеупорный дух (как сердце моё бьётся!)
И Минина народ на подвиг провожал...

* * *

Слова склоняются на Запад.
Иными смыслами в словарь
Потусторонний входит запах —
Так входит в человека тварь...

Она спокойна, пока сыто
Её простое естество,
Но в бой вступает за корыто,
Легко предав своё родство.

...Другого способа не знаю
Извлечь из человека тварь:
Чужой словарь я закрываю
И открываю свой букварь.

Оттуда пусть приходит лихо —
С ним побороться я смогу
В сердечном поединке тихом
Иль на отвесном берегу.

А с неба наблюдает Око...
И превращается букварь
По слову древнего пророка
В мёд, излучающий янтарь.

* * *

Кризис — Ибис, птица чёрная.
Напророчили жрецы —
Неручная, непокорная,
Шлёт птенцов во все концы.

Но в России птиц — невидимо:
Воры — тоже вороньё.
Птица Ибис ненавидима —
Алчность? Кризис? Всё равно!

Будем сеять в грядки зёрнышки —
Колосочки собирать,
Из серебряного горлышка
Ручеёчка воду брать.

...Пролетела птица чёрная,
Не найдя своих птенцов,
И Россия чудотворная
Вспомнила Святых Отцов.

На церквях кресты поставила,
В колыбелях вознеслась.
С вороньём своим управилась.
Возродилась. И спаслась.

Икона Божией Матери Огневидная

В восемьсот сорок пятом году
Захватили норманны Париж.
Но сначала в кошмарном бреду
Гамбург корчился — не убежишь

От судьбы, совершившей набег, —
Защищайся, франкский король!
Распадается Римский ковчег...
У истории новая роль...

В восемьсот сорок пятом году
Грозный Рюрик не призван ещё
Собирать племена по суду
Топора и меча, где расчёт

Утверждать будет сильную власть
Под холодной норманнской пятой...
Но уже ополчилась напасть,
Угрожая на юге бедой.

И запишет учёный монах:
«Огневидная Дева, спаси!»
И спасла... И развеялся страх
Силой Духа на Древней Руси.

Сохранён будет «в правде» народ
И в спасенье своём от врага
Перейдёт через огненный брод...
Богородица-воин строга:

Не однажды горела Москва,
Не дождался ключей Бонапарт...
И не зря утверждает молва:
Божья Мать принимала парад

В сорок пятом в одеждах огня,
И бледнел их карающий цвет
На восходе Фаворского дня,
Излучая Божественный свет...

БОЛОТОВ

1.

Не ищите абсолют,
Как старатель — золото,
Потому что рядом, тут,
Русский гений Болотов.

Был боярином, любил
Древнее предание,
Сострадательно творил,
Строил мироздание.

Щедрость лёгкая даров
В слове не кончается —
Со страниц его томов
Солнце улыбается.

Улыбаются поля
Хлебные, озимые,
Улыбается земля
Летами и зимами.

Восхищается душа —
Бытом перемолота —
Тем, как с Богом строил шаг
Тульский барин Болотов!

Открыл театр и музыку прославил,
Потомкам об Отчизне написал.
Философ и учёный Божьих правил —
Давно ему пора на пьедестал!

Читайте, наслаждайтесь русским словом
И разводите дивные сады,
Чтоб дети под родным и светлым кровом
Вкушали их лучистые плоды.

3.

Андрей Тимофеевич, мой вам низжайший поклон!
Читаю труды ваши, сердцем горячим ликуя.
Смотрю на широкий, октябрьского дня небосклон
И радуюсь тихо — природа сыта, не лютует.

Чуть раньше снежок захрустел под ногами и сник.
Зима на Покров — снег и должен на землю ложиться.
А в прошлом году даже солнце меняло свой лик —
Сидело за тучами грозно, как чёрная птица.

Да что говорить, объяснили вы всё нам давно:
Такая бывает с погодой у нас передрыга, —
Сквозь хляби крестьянину чтобы пройти на гумно,
Нужна и особая прыть, и кураж, и отвага!

Уже не дивлюсь, если в городе или селе
Дожди — в январе, а снега — в пересохшем июле.
Бывает и так, что ветра заиграли в седле
И мчатся на север с дурною поспешностью пули.

И что мне теперь уважаемый Гидрометцентр,
Когда я погоду, как древнюю книгу, читаю.
Какой же прекрасный у вас древнерусский акцент,
И каждое слово боярскую мощь излучает!

Я нежно люблю вас, военных баталий отец,
Очистивший речь от восточной и западной пыли.
Примите не только поклон, а почёт и венец
За то, что вы русское слово в любви сохранили!

* * *

Во мне опять тоскует лето
И каждый день напоминает,
Что снег не вечен и растает.
Придут весёлые рассветы
Одушевляться в стрекозиных
Крылах прозрачным перламутром,
И солнце скажет: «С добрым утром!»
Ну а пока тянуть резину
Старик-февраль ещё намерен,
Стучать в окно дождём и снегом,
В своё закручиваться «эго»,
Которому до смерти верен,
Я в лето вглядываться стану —
Оно опять во мне тоскует,
На сковородке нарисую
Яичницу в белке тумана.
Запью её вишнёвым соком...
Увижу с вьющейся фасолью
Скамейку, пруд, пред лесом — поле
В солнцестоянии высоком.
Зимой о лете я мечтаю,
Хотя люблю январь крещенский
И декабря хрусталь богемский,
Но в феврале мне не хватает
Себя, позолочённой солнцем,
Стрекоз, ежей, заросшей грядки,
А впрочем, я уже в порядке:
Светлеет день. Зима — на донце.

* * *

Лунный день открывается ночью.
Разгуляться б под этим небом!
Отчего ж ни один листочек
Не дрожит в тишине победной?

Даже злые собаки примолкли,
Затаились в овраге цикады.
Сквозь небесные тусклые окна
Смотрит день ослепляющим взглядом.

И в нездешнем его отпечатке —
Без движения, звука и тени —
Есть космическая загадка
Остановленных кем-то мгновений.

Встреча с Есениным

Не золотоволосый, не блондин,
А смуглолицый юноша-брюнет
Есенина среди русских палестин
Читает как вопрос, а не ответ.

О, Русь тысячелетняя, прими
Его талант и Сергия расчёт,
Что меж веками сократится миг
И общим станет поле, а ещё

Берёзовая роща за окном,
И сердца стук, и предвечерний свет,
И тихая молитва перед сном...
Один ушёл. Другой пришёл — Поэт!

Пушкинская осень

Снова листья опалились прохладой,
Красные жилы стянув в парашюты.
Что ещё осенью пушкинской надо,
Кроме дождя за окном и уюта?

Сядем в седые распухшие кресла
(В стиле барокко, а не хай-тека),
И в препоясанных временах чреслах
Близость почувствуем дальнего века,

И насладимся щемящей тоскою
Вечно прекрасной литературы...
Осень идёт листопадной толпою —
Будем разгадывать замысел хмурый.

И не поднимем ни взгляда, ни зада,
Даже когда дунет холод с порога.
Что ещё осенью пушкинской надо,
Кроме хандры и изящного слога?

Мой памятник Пушкину

И речка Чёрная, и чёрная фигура,
И пуля чёрная свинцовая — не дура,
Отлита чёрной клеветою «света»,
Убийцей стала русского поэта.
Корнет Кавалергардского полка
Барон д'Антес стрелял наверняка...

Из Петербурга — в Пушкинские горы
Через равнины, снежные просторы
Везли поэта хоронить негласно,
Чтоб Родина осталась безучастной,
И мир крещёный правды не узнал —
Кто в Александра Пушкина стрелял.

Французский роялист и провокатор
В России захотел стать Геростратом,
Но не горят Божественные строки
Поэта, возведённого в пророки.
В грядущее он смотрит свысока —
Нет Чёрной речки — вечности река!

И памятник стоит нерукотворный,
Во все концы трубят, ликут горны!
Звучит язык великий и могучий —
Его теперь американцы учат
И узнают, что не случайно бес
Рифмуется с фамилией Дантес.

Читаю снова сказку о Людмиле,
Там Черномор был тоже в чёрной силе,
И нет его — потомкам назиданье...
А Пушкина высокое сиянье
Всё продолжает просвещать народ
Из века — в век, из рода — в род.

* * *

Ахматова, Цветаева,
Мария Петровых...
Жизнь и судьба растаяли,
Остался только стих.

Причастна ночью длинною
К исповеданью строк.
Не ваша ль половина я,
Явившаяся в срок?

Ответа ждать не стану я.
Спросила и ушла...
Какая всё же странная
Поэзии душа!

* * *

Увидела свет в пустыне,
Ведущий к живому колодцу.
От века начала до — ныне
Я шла к нему с утренним солнцем.

А день календарный кончался,
Второй наступал, двадцатый —
Весь полдень мой путь продолжался,
И солнце не знало заката.

Взмолилась Всевышнему: «Боже!..»
Очнулась — зима на пороге.
Сгорела, обуглилась кожа,
А сердце осталось в дороге...

Разговор с ветром

Скажи мне, гордый ветер,
Летишь откуда — студишь,
И пригибаешь ветви,
И все травинки губишь?

Узнать хочу я смыслы
Таинственных движений,
Их жесты, знаки, числа
Обещанных сражений.

Но ветер стих, и небо
В покое безмятежном
Ответило: «Не требуй!
Будь с верой и надеждой.

Придёт твой час и время,
Когда на сердце ляжет
Великой тайны бремя
И все узлы развяжет...»

Рыбалка

Поедем рыбачить, над речкой маячить,
Как в детстве, на донки ловить окуней,
А может быть, просто — большую удачу
Последних погожих и солнечных дней.

Сижу в тишине, замерев от волнения.
Туман серебрится над быстрой рекой.
И вдруг ледяное прикосновение
Живой чешуи ощутила рукой.

Не бойся меня, большеглазая рыба,
Я здесь не тебя, а солнце ловлю!
Но сердце её поднимается дыбом,
А сердце моё отвечает: «Люблю!»

...Причалила лодка к зелёному краю.
В пустое ведёрко летит мошкара.
Пусть плавают рыбы, резвясь и играя!
Рыбалка окончена. К дому пора.

Дачники

Приезжают дачники на джипах,
Тянутся к земле за шашлыками,
А потом участок «шито-крыто»,
Словно жито, меряют шагами.

Радость-то какая! Вот — тюльпанчик
Высится среди прошлогодних рытвин,
И сорняк — могучий одуванчик —
Парашютом хвалится открытым.

А когда мотор не заведётся
(Надо всё же в город возвращаться),
Русский дачник от души напьётся,
А не русский — станет чертыхаться.

Но, однако, все равны в привычке
Радоваться солнечной погоде...
Обгоняют джипы электрички,
На платформу дачники выходят,

Чтоб удобрить потом свою землю,
Посадить укроп и землянику...
Пёс счастливый у порога дремлет
С ощущеньем Родины великой.

Воспоминание о 1812 году

Я шла по улице Щипок
И протыкала тот возок,
Который прятался в стогу.
Его колола на бегу,
Как двести лет тому назад
Его колол мой дядя-брат,
Одетый в питерский мундир —
Москву держал в руках, как мир.
И спас её от тех невзгод...
Сегодня это эпизод.

Иду по улице Щипок,
Навстречу снова мне возок:
Какой-то чёрный мерседес
Промчался мимо, словно бес.

Метель и вьюга

Метель...
Сдалась, ушла позёмка,
Которая ещё вчера
Земли закрашивала кромку
На карте нашего двора.

Метель...
Закручивает вихри
Тревожно ветер, снегом бьёт,
И звуки властные и хрипы
Его выпиливает рот.

Из необузданного чрева —
Уж не метель, а вьюга, зла,
Трубит воинственным припевом,
И каменеет неба мгла.

Вдруг тишина...
И запотела,
Распалась снежная стена.
Из мглы выносит своё тело
Большая жёлтая луна...

Открыты утренние дали,
И неба бледно-синий шёлк
Разгладился, пока все спали...
И лёгкий шёпот ветра смолк.

Учителю, которого не было

Я Вашей ученицей не была...
Не грезила о Вашем веском слове,
Меня не мучила ночами совесть,
Что Вам когда-то всуе солгала...
Я даже рядом с Вами не жила,
По Вашим не бродила переулкам,
Мы разным временем дышали гулко:
Вы — на войне стреляли из ствола,
А я — по воробьям бумажной пулькой,
Натянутой рогаткой — по сосулькам...
Но почему мне кажется — была...
В окопах с Вами, и от жижи чёрной
Ломило скулы, корчился живот?..
Я даже помню старый Новый год,
Семидесятый год на Малой Бронной...

Возможно, наша круглая Земля
В каких-то тайных параллелях света
Вдруг заблудилась — наголо раздета
Всей памятью Любви и Бытия...
Вы ждали ученицу?.. Это я!

ОЛЬГА ЕВДОКИМОВНА

1. Оса

Я красила твою ограду,
И солнце жалило глаза.
Жара свой поднимала градус,
Всё плавилось... И вдруг оса
Мою остановила руку,
Жужжа тревожно над лицом.
Не поддаваясь сердца стуку,
Я снова красила... Потом
Нечаянно ладонь открыла.
Оса вдруг села на неё —
Уменьшилась, укоротилась
И жало вынула своё,
Но не ужалила... Ласкала
И удивляла неземным
Прикосновеньем, и спасала,
И разгоняла знойный дым,
И прогоняла: «Дочка, дочка,
Иди домой, укройся в тень!»
Ах, мама-мамочка, отсрочку
Ты вновь дала мне в это день.

2. Полёт

Белова Ольга Евдокимовна,
Моя возлюбленная мать!
Ты родилась в селе Якимовка,
Где вечерами пела иволга,
Птенцов учившая летать.

И ты летела с ней вдоль берега,
Потом всё выше, сквозь года,
И сердце бесконечно верило,
Что в облаках, покрытых перьями,
Пасёт Господь свои стада.

Потом помчалась
жизнь стремнинная —
Сиротство, школа, институт.
Тебя, сердечную, наивную,
Второй назвали половиною,
И закрутился жгут.

Ты расплетала его бережно,
Меня, как ангела, храня...
Теперь летим с тобой
вдоль бережка —
В безбрежные твои края.

3. Покров

Без укоризны и обмана,
Провидя все мои пути,
Меня любила только мама,
Желая лишь одно — спасти

От леденящих одиночеств
И от неправедных трудов.
Теперь закрыла свои очи
И мне оставила покров,

Который вновь меня спасает,
Теперь уж от себя самой.
И чем больней душа страдает,
Тем ближе слышу голос твой.

Но я уже не замечаю
Его далёких тихих нот,
Лишь только странно замечаю,
Что без тебя мне скоро год.

Услышь младенческий мой лепет
И плач измученной души.
Хочу к тебе. Уж скоро лето.
Нет, — отвечаешь. — Не спеши...

4. Смирение

Кто вор, а кто мошенник,
Господь не дал узнать —
Защёлкивать ошейник,
Судить и обвинять.

Теперь я повзрослела,
И там, на небесах,
Моя душа и тело
Простёрлись на весах.

Я взвешена до грамма —
Честна, крепка, мудра.
Господь и моя мама
Решили, что пора.

И послан вор-мошенник,
Меня чтоб испытать —
Надену ли ошейник
Или прощу опять.

Моё, не чьё-то, горло
Сжимает болью гнев.
Страдаю непокорно.
Мечусь, как в клетке лев.

Вдруг поняла. Смирилась.
Простила как могла.
И с Богом совместилась,
Уменьшив меру зла.

5. Рама

Мама мыла раму и не знала,
Именем каким она зовётся.
Мама мыла раму, напевала
Песенку про Раму и про солнце.

Да и я в младенчестве не знала,
Что оправка для стекла зовётся
Преобразованием начала,
Встречу обещающего с солнцем.

Из глубин ведийского санскрита
Слово прикасается корнями
К солнцу, восходящему над бытом,
И к моей трудолюбивой маме.

6. В саду

Сидишь мечтой безгрешной
В панаме голубой,
И солнце сквозь орешник
Ласкает образ твой.
Потом вдругходишь робко
В цветущий ярко сад
Дорожкой или тропкой —
В сияющий оклад

Незыблемого лета,
Где замер навсегда
Круг золотого света...
В ручье поёт вода
О том, что продолженье
Обещано для нас,
И мамин день рожденья
Я праздную сейчас.

7. Одна

Молилась мать. О чём она молилась?
Чтоб людям Богом данная земля
Быльём не поросла, не истощила
Моря и реки, горы и поля.

Молилась мать о дочери и сыне,
О внуках, чтобы совесть берегли,
И чтобы не было войны в помине,
Где её деды в битвах полегли.

Псалтирь закрыла и свечу задула,
Легла одна в двуспальную кровать.
И труд души, что болью сводит скулы,
Вновь преосуществился в Благодать.

* * *

Мой замысел когда-то был глубок,
Когда-то был высок и между строк
Ложился в сердце,
Где до сих пор несыгранное скерцо —
Виолончель, и детство, и смычок...

Я вместе с ним мечтала исполнять
Гавоты, фуги, марши и мазурки,
Но почему-то всё играла в жмурки
И небо зажимала в кулачок.

Мой замысел теперь лишь пустячок —
Исследовать, куда исчез сверчок,
Отец и мать, соседка тётя Нюра...
Смотрю в окно, там ночь густеет хмуро
И в чёрный превращается зрачок.

* * *

Так почуять движенье весны,
Так приблизиться к солнечной тяге,
Открывающей время возни
Ледяной и заснеженной влаги,

Чтобы, выйдя из дома, присесть
На скамейку с морозцем последним —
Закричать, замычать и запеть
В ожидании скорой обедни.

Вот сейчас начинается ход
Жизни вечной по жилам деревьев,
И опять продолжается род
В нашей умершей было деревне.

* * *

В кафе лишь чай, салат и пирожки
И почему-то ни вина, ни водки.
А так хотелось выпить от тоски,
Застрявшей комом в пересохшей глотке.

И вспомнить прошлогодний белый снег,
Который был велик, но истончаем.
Мы час в кафе, а кажется, что век
Молчим, жуём и запиваем чаем...

Пора домой — зелёный светофор:
Спеши, спеши в объятья мужа, сына.
Ах, доченька, я вижу до сих пор
Твою счастливую и сгорбленную спину.

Приеду к вам, сварю компот и суп —
Так бабушка заботится о внуке.
Куда не надо переставлю стул,
Споткнувшись о потерянные руки.

Но мой весёлый и счастливый вид
Пусть для вас окажется опорой.
Пойдём в кафе, похожее на скит,
Попьём чайку и остановим ссору.

Ещё чуть-чуть, и время побежит
Так быстро, что не сможем оглянуться,
И чтоб любить, понадобится жить
Легко и просто — уходя, вернуться.

Счастье

Вдруг белая ночь среди мрака небесного светит,
Следа не осталось от стылых дождей и ненастья,
Как будто из детства мне выпал трамвайный билетик,
Где белыми буквами слово написано «Счастье!».

И я его чувствую, сердцем прилежно вникая
В прозрачную лёгкость лучей, растворяющих окна.
Там белая ночь, или жизнь без конца и без края,
От счастья и слёз моих тёпло-солёных промокла.

И я ощущаю щекой первозданную влагу,
Которая прежде времён разлилась во вселенной.
Трамвайный билетик, всего лишь бумажка-бумага...
И белая ночь расширяется счастьем по венам.

Вышивка крестиком

Мальчишка на стуле, рядом — собачка.
Крестиком вышито полотно.
Бабушка Паша, святая чудачка,
Мне в детстве его подарила давно.

Не зная Бога, в слезах я молилась
Мальчишке на стуле, собачке — у ног.
И жизнь моя в разные стороны длилась
И о чужой спотыкалась порог...

Я помню руки вышивальной ошибки —
Вот здесь не хватило иголке стежка,
Но эти поблекшие тонкие нитки
Из сердца тянулись нежней волоска,

Сплетаясь под пальцами бабушки Паши,
Чтоб думы от тяжких забот отлегли...
Всё шире и шире, всё дальше и дальше —
Где крестики с Богом обняться смогли.

Апрель и солнце

Обещали апрель через день, через два,
Облегченье от снега и зимних ботинок.
Обещали — задуют с Гольфстрима ветра...
Но машины опять не меняют резину.

И опять продолжает движение вспять
Солнце робкое — даже лучей не покажет!
Где искать их теперь золотистую прядь
Среди шири небесной, измазанной сажей?

Но недолго осталось до главного дня,
Когда память природы объявит сраженьё
Темноте — и хохочущая ребятня
Вздыбит в солнечных лужах своё отраженьё!

* * *

Я сварю себе компот
Из китайских яблок...
День мой к сумеркам идёт —
Скрыто или явно.

Всё равно наступит ночь,
И скучать я стану.
Чем ты сможешь мне помочь
Там, за океаном?

Разве только поцелуй
Мне пошлешь воздушный...
Твой попутчик Дан Цзе Луй
Свяжет наши души —

По-китайски сотворит
Древнюю молитву,
Ян и Инь соединит
С русской пол-литрой...

А когда наступит день,
Там, у вас, в Китае,
Я твою увижу тень
На небесном крае.

И под облаком пойду
К роднику над речкой,
Яблоки в саду сорву,
Сяду на крылечко.

Буду их перебирать
С ночи до рассвета,
И компот варить опять,
Пока длится лето.

Подарок

Сыплет крупой — заварим
Снежную непогоду?
Бросим щепотку карри
В зимнее время года.

С дальнего юго-востока
Солнечный есть подарок —
Чай «Золотое око» —
Чтобы наш день был ярок!

Иероглифы и пейзаж

Ты счастье, любовь и здоровье привёз
С тугим багажом из Китая.
В торжественных линиях — жизни прогноз,
Смотрю на судьбу не мигая.

Стоят иероглифы в длинном ряду
На рисовой тонкой бумаге,
Как стража: не впустят ни боль, ни беду —
Готовы к мечу и отваге.

Но я выбираю пейзаж голубой,
Где кормчий на утлой лодчонке
Сквозь время плывёт, как плывём мы с тобой
В наш день, всеми чувствами звонкий.

Лилит и Ева

В паутине августа плетёт
Крылья перепончатые вечер,
Их глазами примеряет кот,
Языком вылизывая плечи.

Но не он сегодня полетит
В синие заоблачные дали,
А сестра нездешняя — Лилит
Обернётся ими словно шалью.

Погостила, и пора домой,
Скажет Еве: «Провожать не надо»
И коту — «Ты не иди за мной!»,
Поспешит к началу звездопада.

И сестра, усталая, вздохнёт:
«Даже пироги мои не съела...»
Паутину с августа смахнёт.
«Вот и хорошо, что улетела...»

Свидание

По гранитным ступеням идём вверх —
К библиотеке имени Ленина,
А в Доме Пашкова — рядом — успех
Ленского или Онегина.

Перемешались века и дни,
Сегодня пространство — шаткое.
Крещенский мороз свои западни
Расставил, укутал шапками.

Старовагáньковский — вдруг — возник
Переулок — исчезновение.
Ты к руке моей губами приник
На мгновение.

А мороз полыхал, краснощёкий овал
Обрастал тонким паром, инеем...
И никто не узнал, что меня ты назвал
Сокровенным и солнечным именем.

Мы как будто к Знаменке вышли уже...
Вдруг престол Николая Угодника
Встал налево в извечной своей сторожé,
И тебе я ответила: «Родненький!»

И уже не скользили подошвы сапог,
Когда двор обходили мы маленький —
Лучезарно воинственно радостный Бог
Встретил нас в полушубке и валенках.

И, ключом повернув заскрипевший замок,
Храм открыл, чтоб вошли оглашенные.
В нашей жизни потом будет много дорог,
Но лишь эта одна — совершенная.

* * *

Болото чахнет... Солнце
Пришло над ним сиять.
Я выгляну в оконце —
Какая благодать!

Стоит камыш высокий,
И птица вьёт гнездо,
На острие осоки —
Двух бабочек крыло.

Всё высохло болото,
И побелел камыш.
У солнца есть работа,
Пока ты сладко спишь.

* * *

Умылся сад дождливой белизной,
И засияли солнечные блики
На лепестках цветущей земляники,
И ёжик вышел топотать лесной.

Присел под мокрый жимолости куст
Средь сорняков, где царствуют улитки.
Как всё живёт, цветёт в своём избытке!
И только дом мой почему-то пуст...

* * *

Было утро ранним,
Было утро стылым —
В пелене тумана
Листья серебрило.

Как его запомнить,
Схоронить под сердцем?
Крест, могила, холмик —
В бесконечность двorca.

Там, в сиянье света,
Стол уже заказан.
Дождь смывает лето
В мирозданья вазу.

Вечер в горсть любимых,
Любящих и верных
Взял, но должен мимо
День пройти, как Первый.

Жизнь после жизни

Покинуть пространство заснеженного февраля,
И звуки прибоя услышать минувших эпох...
Пронзительный свет...

Как дышит покоем Земля!

И выдохнуть вдруг. И сделать торжественно вдох.

И, может быть, там, возвратясь к своему естеству
Горячей молекулы в генных причудах белка,
Впервые познать смертельную тягу к родству
Сквозь чёрные дыры, пробелы и ДНК.

Великий простор судьбой уготованных мест,
Где строится жизнь и новый ведётся отсчёт, —
Ведь там у Любви лежит основанием Крест,
И новое Солнце над вечностью новой встаёт.

Кашпо

Восемьсот два дня прошло,
Гладит солнце взглядом лужи,
И доверчиво ненужно
Вяжут пальчики кашпо.

Вот такое ремесло
Я придумала, чтоб скрыться,
Не кричать, остановиться —
В щепки не разбить весло.

Взмах — и выгребла почти
Из зияющей воронки.
Вновь запел мой голос звонкий,
Но не сдюжила, прости!

Вяжут пальчики кашпо,
Не бессмысленно, а к делу:
Чтобы ваза в нём висела...
Восемьсот три дня прошло.

Опять смотрю твой фильм...

И каждую минуту

Елизаветы лик — Святая передо мной.

О Господи, прости за мелочные пути,

Я развязала их своею немотой

И помню каждый кадр: Святая Палестина,

Там Горний монастырь, где русская душа

С прожилками свинца...

И вечер — тёмно-синий.

Звонят колокола — негромко, чуть дыша.

Опять смотрю твой фильм...

Теперь я вспоминаю,

Как ты пришёл домой, усталый и хмельной.

И произнёс в ночи: «Прости меня, родная,

Я с Богом говорил о вечности земной...».

* * *

И вдруг расширились ветра,
Прижав к сухой земле колосья.
И от вселенского костра
Летит пылающая россыпь...

Сверкая в огненных лучах,
Ночное небо пламенеет
И битву на стальных мечах
Ведёт само с собой и тлеет...

А в мире, что уже не спит
И смотрит на сухое поле,
Колодец вечности испит...
Сбылось: «...и слёзы стали солью».

* * *

Ночь гуталином намазана густо,
Звёзды погасли — сгорели дотла.
Это Малевича злое искусство,
Или вселенной расширилась мгла?

Заперты двери в подъездах, квартирах,
Только вдруг радостно щёлкнет замок —
Вот и пришёл человек не от мира,
Посланный в точно указанный срок.

Краски и кисти в его саквояже —
Кобальт, лазурь, белила, шафран...
Утро и солнце он миру покажет,
И своё сердце — сияющий храм.

Звон колокольный, воздух хрустальный,
Окна и двери распахнуты вновь.
Истины свет излучается дальний —
Встретились Вера, Надежда, Любовь...

К Элеоноре

Вновь хочу к тебе привыкнуть,
К смеху, гордому чуть-чуть,
К облику, который выткан
Из сиянья звёзд и туч.

Я хочу к тебе приникнуть,
Ноты-клавиши обнять,
В твою музыку проникнуть —
Боль души своей унять.

Ты играй, играй, подруга,
Пусть дрожит в руках рояль.
Мне из солнечного круга
Доставай шелка и сталь,

Чтоб рождала нежность волю
Превозмочь печаль утрат...
Я иду по чисту полю —
Пой, судьба, на новый лад!

* * *

Как хочется погладить всех и всё!
Я — маленькая девочка сегодня.
Не знаю ни Шекспира, ни Басё,
А просто электричку жду на Сходне.

Куда бы ни поехала теперь,
Продрогшая, с мозолью в модных ботах,
Я — девушка, не знавшая потерь,
И у меня любимого есть фото.

А завтра кем я стану, знает кто?
Бежит, бежит меж сосен электричка...
Закутаюсь в холодное пальто
И брошу в снег обугленную спичку.

Сгорел билет, и между пальцев лёг
Горячий пепел — прожиты все роли.
А в памяти всё тлеет уголёк...
И снег идёт... Откуда столько боли?

* * *

Сквозь февральскую вьюгу дорог
Я приеду к любимым:
Одинокой собаке
И двум одиноким котам.
И все дни пробегут, промелькнут
Как положено — мимо,
А потом будут долго
За мною ходить по пятам.

Опускается ласковый снег
На моё бездорожье.
Проседают следы,
Согреваясь под корочкой льда.
Я иду, я люблю, и любовь моя
Плачет, как дождик.
А котам и собаке мой дождик
Всего лишь — вода.

Я забуду московские праздники,
Будни и силу
Обрету на другом берегу
Этой снежной межи...
Я сегодня приеду к котам
И собаке счастливой —
Посидим, помолчим
Долго-долго, в четыре души.

Художник

Ветреный, осенний, стылый
Лес — походный легион —
Поворачивает с тыла
И швыряет миллион

Рыжих, бурых, красных листьев
На дорогу вдоль села,
Где художник ловит кистью
Уходящего числа

Краски, чувства, звуки, ритмы
И грозы холодной сталь,
Рассекающую бритвой
Приоткрывшуюся даль...

Будет он писать, покуда
Пальцы смогут кисть держать,
Потому что верит в чудо
И умеет побеждать!

Проводы зимы

Весна пришла... Иди, проверь!
Дожди природу будоражат,
Стучатся в солнечную дверь —
Закрыта временно... В плюмаже

Стоят высокие снега
И оседают под сурдинку,
И скоро детская нога
Последнюю раздавит льдинку...

Ах, этот плачущий уход
Зимы, вчера пришедшей в белом!
Как долго и протяжно пела —
От всей души, от всех щедрот...

* * *

Иду к тебе — Крещатик за спиной,
Майдан, который назван «незалежным»,
И ненависть вокруг встаёт стеной
К любви моей и памяти безбрежной.

Иду к тебе, к тяжёлым тем годам,
Когда был поднят Киев из разрухи,
К цветущим бело-розовым садам,
Где обитали солнечные духи.

Не дозовёшься их, сколь ни кричи,
Ушли за Днепр в далёкие Карпаты.
И память бродит в пасмурной ночи,
Всё ищет — то ли мужа, то ли брата...

УКРАИНСКИЙ НАБАТ

1. Второе мая

Какая сила чёрная повинна
В том, что в огне пылает Украина?

Одесса-мама... Поле Куликово...
Дом Профсоюзов — дьявольская воля!

Людей, как зайцев, стерегли и гнали...
На крыше, этажах, в глухом подвале —

Везде коктейли из горючей смеси,
Газ — в кабинетах, пламя — между кресел.

«Сюда, сюда!» — Им палачи кричали. —
Стреляли, истязали и сжигали...

Лежат тела цепочкой чёрно-длинной —
Фашизма пасть открыла Украина.

Не счесть сожжённых — сто или сто сорок...
И это явь, а не кошмара морок.

Сжимает сердце каменная стынь —
Сестра Одесса — новая Хатынь!

2. Хоровод

Утро свинцовое, вечер свинцовый...
Ненависть к русским проникла в основы
Детских тетрадок, где почерка нить
Слово недетское пишет: «Убить!»
Этому учат теперь в Украине.
«Працею зморена» плачет о сыне.
Плачет старик, провожая солдата.
Плачет «коханая», горем объята.
Где ты, жених? Не родится дитя.
Это не шарики — бомбы летят...
И разрывается сердце на части
По указанию киевской власти...
С кем же воюет единый народ?
Бесы, ликуя, ведут хоровод...
«Божа краса» догорает, как свечи, —
Чёрный пришёл на Окраину вечер.

3. Плач матери

Покажи могилу сына
Мне, родная Украина!
Может, там, под Волновахой,
Ждёт меня его рубаха,
Вся в запёкшейся крови —
Сохрани, не разорви!

Износила я надежду,
Что жива его одежда...
Может, крестик хоть остался,
Может, он — не затерялся?
Я найду его, найду,
Хоть — в окопе, хоть — в аду!

Ноги сводит, сердце колет,
Вот иду по чисту полю
На восток, где братья бьются
Меж собой — и не сдаются.
В спину станешь ли стрелять,
Украина? В свою мать?

Показала смерти силу,
Показала мне могилу.
Похоронною сорочкой
Оберну я там сыночка.
Суждено теперь и мне
Быть убитой на войне...

4.

Я верю в будущее — мир его настанет!
Обнимутся с Москвою киевляне.
Вражда уйдёт — чужая и ничья,
Начавшаяся с третьего плеча.

И всей земли раздолье территорий
Сожмётся в чувстве гибельных историй,
И дружбою наполненный глагол
Согласьем ляжет на славянский стол.

2014 г.

Симеиз

Камень центробежный — Симеиз,
Упаду, центростремительная, вниз,
Где луна и море под скалой
Обещали встретиться со мной:
Светят и укладывают в путь
Камешков таинственную суть.

И волна весёлая идёт
Голубая, с пеной у высот,
Накрывает сумерки и пляж,
Где давно лежу я в этот час:
В полотенце мокрое проник
Мой вчерашний — будущего лик.

Вижу с тех времён и до сих пор
Симеиз, спускающийся с гор...

Пунктиры истории

У России — четыре истории —
Полнота земного числа.
В некрещёных своих территориях
Племенами она росла.

Угро-финны, кривичи, балты
Собирались на пир волхвов...
Но тасует история карты
И священных крадёт коров.

Время княжеского угодыя —
Долгорукий хитёр, умён.
Обнимают Москвы поводья
Разноликие судьбы племён.

И рождаются великороссы,
Чтобы Третий построить Рим...
Патриархов ломая посох,
Пётр Первый встаёт над ним.

И на Запад ведёт державу,
Покорительницу морей...
Но металл её вскоре ржавый
Распадётся в руках царей.

Революция — кровь и сера...
В Чёрном море вновь якоря.
И теперь остаётся вера,
Только вера, что всё — не зря.

Другая тишина

Там была тишина,
Хоть кричали Дума и сходка.
Там была тишина,
Когда в Зимний стреляла Аврора.
Всех орудий смертельных
Кровавый расчёт и доводка
Не убьют тишину, в которой
Было столько молитвы! И шёпот
Разливался её сокровенный
По России, подставившей щёку
И набухшие чёрные вены.
Там была тишина...
Мне не странно
Говорить об убийственном тихо.
Фроси нет, нет Устиньи, Демьяна —
Жили тихо — спровадило лихо.
И сейчас, когда камерность звука
Превращают динамики в ярость,
Всё мне грезится новая мука
Из Лубянки и Бабьего Яра...
Затыкаю ладонями уши,
Вдруг услышав скорбные стоны.
Это — Родина тычется в душу,
И гудят колокольные звоны.

*Икона Божией
Матери Державная*

Гимнастёрка пропитана кровью,
В кулаке холодеет патрон,
И дыра над запёкшейся бровью
Ещё тлеет, но кончился стон.

Воевать за Царя не учился,
Просто вышел на поле солдат
Из деревни, в которой родился
И где жил его пахарь-собрат,

Что в окопе лежит подо Львовом.
В кулаке холодеет патрон...
Матерь Божия в образе новом
Со слезами восходит на трон.

И Державной своею рукою
От Царя принимает венец —
Отдыхай, Государь, в непокое
Среди чад своих — близок конец.

На престол возведёт Патриарха
И поможет ему окормлять
Свой народ в годы горя и страха —
В красной мантии Божия Мать!

Ладога

В облаках открывается радуга,
Когда август спокоен и чист.
Над струящейся временем Ладогой
Поработал лихой трубочист.

Трубы неба подводного вычистил,
Чтоб смогла покориться река
Всем ветрам без единого вычета
И расширить в низовье бока,

Где история Севера дикого
Начиналась в скалистой глуши
Обращёнными к Западу криками:
«Не спеши к нам, варяг, не спеши!»

Только Рюрик с военной дружиною
Неизбежно течением плыл,
И на гатях и в чёрных ложбинах
Развивались гривы кобыл...

Облака могут тоже быть радугой
И казаться дорогой богов,
Когда в августе древняя Ладога
Собирается встретить врагов...

Историческая наука

Хочу быть учёным, в архивах копаться,
Смотреть на истории взрывы сквозь лупу.
Я знанием темы хочу наслаждаться,
Тетрадку исписывать сжато и скупо.

Иного, чем разум, не знать инструмента —
Все чувства расплавить, всю боль уничтожить.
Поднимется логика на постаменты,
Где сердце никто и ничто не тревожит.

Хочу, но не буду. Мне нужно — живое!
В нём — слёзы и муки, восторг озарений...
Пусть Шлиман открыл легендарную Трою,
Гомер её создал нутром своим — гений.

Я буду стонать от стрелы Чингисхана,
И в танке гореть, побеждая под Курском,
И если уйду в направлении к Свану,
Обратно вернусь в направлении — русском.

Пусть станет учёный на йоту поэтом,
Иначе история сгинет под пылью.
Пусть в мозг проникают молекулы света,
Иначе фантомы окажутся былью.

И снова придут революции, войны,
В законах преступных корни расправив...
Пусть станет учёному страшно и больно
За то, что без Духа он Букву исправил.

Город Салават

Салават, Салават, ты не друг мне, не брат,
Просто город, отравленный газами.
Четверть века уже проникает твой яд
В мою память бедой и рассказами...

У детей — онкология. Бабы ревут,
Провожая на кладбище гробики.
Мужики от отчаянья горькую пьют —
Всё застыло в серебряном облаке.

Дождь пролился, и серый асфальт пожелтел,
У ботинок подошвы отклеились.
Долго ль будет травить мои сны беспредел? —
Я таблицу учу Менделеева...

До тех пор, Салават, пока ты не убьёшь
Сам себя в двадцать первом столетии,
Где, как прежде, дымит ядовитая ложь,
И, как прежде, тебя не заметили.

* * *

Страна моя — придаток сырьевой,
Провинция — Европы захолустье.
Какой же путь проделала кривой
Ты от истока своего — до устья!

Где искривилась Родины душа?
В разливах крови войн и революций?
А может, в коммунизма падежах
Оккультных, что вертели её блюдце?

Кричат могилы праведных отцов,
Молчат Урицкий, Троцкий,
Маркс и Ленин.
Но их наследники теперь со всех концов
Идут на нас и ставят на колени.

Опять хотят вампиры и вожди
Себе рабов — цена на них упала.
И нефть сосут, и газ... И их вражды
Россия до сих пор не осознала.

В магазине

Задумалась старушка на минутку,
Забыла оплатить свою покупку —
Опомнилась и кошелек достала.
Но продавцов орава закричала:

«Держи её, нахальную воровку,
Как масло утащила она ловко!
Полиция!» И вот уже наряд
Её везёт. Остолбенел Кронштадт!

Он вспомнил девочку, которая стояла
За хлебом, замотавшись в одеяло, —
Блокадная смертельная зима,
И голода пустые закрома...

Теперь её для выяснения кражи
Везут в участок — что она расскажет?
Как до сих пор облизывает ложку,
В ладонях пересчитывает крошки?

Старушка полицейским улыбнулась
И перед смертью тяжело вздохнула...
Три пачки масла. Магазин «Магнит».
Твой, Россия, — бизнес, боль и стыд!

Экономика

Всё замерло... и ждёт, когда торги
На бирже установят курс валюты.
И злобно топчутся свирепые «быки» —
«Медведи» вторят в исступленье лютом.

А мой народ измученный — в залог
Отправлен мировым аукционом,
И абсолютной власти чёрный шёлк
Покрыл все сделки буквою закона.

Хвалёный европейский гуманизм
Сорвал с себя последнюю личину,
И золотовалютный механизм
Стал идолом. И в этом вся причина

Заросших, обездоленных полей,
Металлолома — фабрик и заводов.
Кричит народ: «Ещё, ещё налей!»
И пьёт, и погибает год за годом...

Родине

Я сегодня зверем диким
Стала — стан мой не обнять.
Ощетинилась великим
Языком — от «Аз» до «Ять».

В мою Родину большую
Тычет пальцем хитрый враг.
Я кричу, реву, бедую —
Не хочу ни войн, ни драк.

Но народ не замечает
Унижений и потех...
Неужель Господь взимает
Дань с него за тяжкий грех?

Нет, не Божье это дело.
Это гнёт угроз чужих:
Обмеряют её тело
И удар готовят в дых.

Отойди, мой друг любезный,
Я сегодня не своя!
Выхожу на бой у бездны:
Сзади — Родина моя!

Дорога в лесу

Стволы берёз готовятся шагнуть
Из леса на проезжую дорогу,
Она асфальтом преградила путь,
И в корни пробирается тревога —

Достаточно ль за лето было сил
Обретено, чтобы сломать устои?
Холодный дождик кроны оросил
Осенним ожиданием покоя.

Не торопись ломать дорогу, лес!
Другое небо встало над тобою —
Уж рассыпает золото окрест
Октябрьский ветер щедрою рукою.

Пусть корни отдыхают до весны,
Она придёт, напоена ручьями.
Тогда увидят люди, как сильны
Твои деревья. Днями и ночами

Начнут работу корни совершать,
Асфальтовую глыбину взрывая...
Всё это будет, надо подождать.
В земле покой и тишина живая.

Сказка про зверей

У людей появились волчьи повадки:
Тащат в логово всё, что увидят глаза,
Обнажают клыки и готовятся к схватке —
Мне с волками никак по дороге нельзя.

У людей появилась лисья сноровка:
Обмануть, умыкнуть, угощение — лесть,
Назначают в подружки сороку-воровку —
С ними тоже нельзя ни идти, ни присесть.

У людей появилась заячья трусость:
Убегают, дрожат, заматают пути.
И на этой дороге — постыло и пусто.
Мне нельзя в эту сторону, как ни крути.

Остаётся четвёртая на перепутье:
Не дорога, а злая кабанья тропа.
И туда мне нельзя с человеческой сутью —
Разорвёт и затопчет стадо-толпа.

Вековые разбужены сосны и ели,
Устремляются в небо — нет края и дна.
Там серебряный путь открывает и стелет
Лунный свет, и другая дорога видна.

Ухожу в никуда и назад возвращаюсь —
Мне короткого шага хватило сполна,
Чтоб почувствовать боль нестерпимую — каюсь,
Без зверей и людей я смертельно одна.

У зверей появились людские привычки:
Улыбаются, плачут глазами, нутром.
Лубяная избушка. Лисички-сестрички
Снова дверь открывают мне в заячий дом...

Христоносец

Во время битвы в Мармарике
Захвачен воин хананейский.
В его звероподобном лике
Читался умысел «злодейский»,

Ведь знали книжники, что волю
Христа пронёс он через реку...
И римский император долю
Ему ссудил: «Не человек он!

Пусть отречётся, пусть подохнет,
Но прежде — искушён соблазном!
Хочу смотреть, как будет сохнуть
В любовных ласках, безобразный...»

Как восхитительны блудницы —
Каллиникия, Акилина,
С их красотой не сравнится
Одежда яркая павлина!

Он ходит, распуская перья,
Чтоб сердце воина святое
Оставило Христа за дверью.
Но Христофор потряс главою

Со всею силой лошадиной,
Собачья пасть открылась с воем,
И вдруг... раздался соловьиный
Из сердца голос: «Ну же, спой им!»

Он Господа Иисуса славил,
И грех распят был и заколот,
И девы стали божьих правил,
В их душах реки — мёд и солод.

Каллиникия, Акилина
И воинская стража с ними
Поверили — святые — в Сына
И муки приняли во Имя.

А Христоносец лучезарный —
Звероподобный «сумасшедший» —
Казнён на площади базарной,
Котёл с огнём уже прошедший...

И почитают Христофора
Все христианские народы.
Но иногда ведутся споры:
«А голова... Какой природы?»

РИМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

1. Климент Римский *

Из камня, моря, неба крымского
Составлен Херсонес Таврический,
Где заточенье папы римского
Времён империи языческой
Дало свободу христианскую
Рабам — исполнилось пророчество...
Ну а теперь здесь пьёт шампанское
Народ, забывший своё отчество,
Которому расскажут строгие
Экскурсоводы про великое:
Здесь всё молитвами удобрено,
Освящено святыми ликами.

...Климент, сановное достоинство
Сменивший на нужду и рубище,
Войдя в ряды Христова воинства,
Здесь принял муку торжествующе.
А перед тем, как море крымское
Сокрыло в гроте плоть нетленную,
К святым молитвам папы римского
Река прислушалась подземная.

И вышла из камней просторная,
Чтоб напоить рабов империи,
Раздвинув мир, как море Чёрное,
И в то, что это было, — верю я!

* Апостол Климент управлял Римской церковью с 91 по 100 гг., один из первых святых в Древней Руси.

2. Мартин Исповедник *

Допросы, узилище, суд —
Была не права Византия!
Святителя к смерти ведут —
Туда, где сегодня Россия...

Мартин Исповедник за мир
На попроще Римском молился,
Чтоб в истине не было дыр,
Душой православной трудился.

И с честью священной его
Князья рубежи защищали —
Владимир, Василий... Давно
То было, — сейчас бы сказали.

...Плывёт пятиглавый собор
В Московские снежные дали.
Мартин Исповедник... Укор.
Забыли. А раньше ведь — знали!

* Святитель Мартин Исповедник,
папа римский с 649 по 653 гг.

Шио Мивилский

Песок под ногами, на поясе — фляга,
Пустыня сирийская кончится скоро.
И снова — молитва, и снова — отвага,
Навстречу спускаются синие горы...

Иверия, здравствуй! Пришли издалёка
Могучие иноки, зов твой услышав,
Птенцов белогрудых восторженный клёкот,
Куры перекаты под звёздною крышей.

Двенадцать светильников пламенной веры!
Теперь разойтись им пора наступила
В долины, ущелья, немые пещеры —
Великая Нина пути осветила.

Кидались камнями зловещие тени,
И дикие двери клыками стращали.
Смиренно меж ними в кромешную темень
Молитвенник Шио стоял без печали.

В сознании волчьем свирепость исчезла:
Вожак поклонился, и стая покорно
В собак превратилась в хозяйстве полезных,
И камни в порядок построились горный.

С тех пор стародавний известен обычай:
Когда надвигаются беды большие —
Не только Николу Угодника кличат,
Но тихо зовут Преподобного Шио.

Время

Я не верю, что время уходит в песок, —
Оно мчится, катится, длится...
Вечность дальняя — в миг совершает бросок,
Вот сейчас полыхнула зарницей.

И сжимается в атоме слившихся сфер —
Разбухает ядро её грозно.
Отдыхает у печки от суетных дел
И не знает ни «рано», ни «поздно».

Если всё-таки время уходит — «Прощай!»,
Ему вслед не скажу никогда я,
Приглашу на воскресный утренний чай —
В чашке пусть моей медленно тает.

Этот сладкий напиток я выпью до дна,
Чтобы время во мне продолжалось,
И молчало, и пело: «Ты — не одна!»,
И катилось, и длилось, и мчалось...

Пушкин в Захарове

По дорожке вдоль пруда в Захарово,
Мимо липовых старых аллей
Кавалеры и барышни парами
Входят в круг остановленных дней,

Где мальчишки пылали азартами,
Разгоняя сачками стрекоз,
А в усадьбе с пасьянсами-картами
Затевалось веселье всерьёз.

И шампанское пенилось радостно
В полусвете мерцающих свеч —
Юный Пушкин в гостиной парадной
Слушал смех и французскую речь:

— Может, это веселье обманчиво
И не к месту восторженный бал?
Но он видел, что бабушка счастлива,
Молодящаяся Ганнибал.

А наутро, где к лесу опушками
Пробирается сизый туман,
Исчезало сомнение Пушкина —
Новый день первосозданный дан

Беготнёй по тропинкам таинственным
С наплывающей в полдень тоской...
Этот пруд в своём роде единственный —
Там и рыбка, и дядька морской.

А в округе крестьяне стараются
Обработать, удобрить надел,
И скотине от счастья вздыхается
На лугу, где клевер поспел.

Как душой поэтической чувствовал
Он истории злое плечо!
В детском сердце тогда уже буйствовал
И грозил Емельян Пугачёв.

Снились сны сокровенные, вещице —
Вальсы, локоны, смех Натали...
И Сенатская площадь зловещая
Ему виделась в тёмной дали...

По дорожке вдоль пруда в Захарово
Шла война через времени брод —
И с мушкетом француз, и с оралом
Рать мужицкая — русский народ.

...Лето красное быстро проносится —
Ждут Москва и Лефортовский двор,
Петербургская чересполосица,
Где Захарово снится с тех пор.

О поэзии в ноябре

Ноябрь стирает на подошвах кожу,
И слякотью заляпан быстрый шаг,
Писать стихи в такое время может,
Наверно, каждый — сам себе дурак.

Ложатся строчки в саван распростёртый —
Кого любить, жалеть и обнимать?
Поэзия без швов — одежда мёртвых,
Способная лишь разум пленять.

В традицию фигурного покроя
Строфа легко однажды облеклась,
Строчные буквы тяготеют к строю,
Чтоб смыслы не утрачивали связь.

Без паузы, любимой запятыми
И точками, вопросами, тире —
Поэзия забудет своё имя
И в чёрной исстрадается дыре.

Чтобы продлилась жизнь её земная,
Поэты, раскройте полотно
Стихов своих, где, швов не замечая,
Читатель с вами будет заодно

Осознавать, что истина прекрасна,
Когда взята высоким словарём
В объяття речи, где светло и страстно
Поэзия царит над ноябрём.

* * *

Париж. Предместье Пер-Лашез,
Где кладбище истории великой
Ко мне широкий обращает жест
И вглубь ведёт сквозь пасмурные липы.

И, убыстряя любопытный шаг,
Я вглядываюсь в гордые надгробья.
Они — в меня... Неистовый Бальзак
Величественно смотрит исподлобья.

«Шагреновую кожу» перед сном
Недавно перечитывала трудно...
И — воздуха глоток, и в горле — ком:
Как в мире совпадений малоллюдно!

А здесь толщятся гении... У них
Приспело человечеству учиться,
Чтоб не было трагедий мировых!
Но ни души... Лишь каменные лица.

Кирилл Померанцев

Вспоминайте. Кирилл Померанцев.
Жил в Париже недавно-давно.
И стихов своих снежные танцы
Наблюдал в ледяное окно.

Вспоминаю. И катятся слёзы,
И летит его мотоциклет
Сквозь земные метаморфозы
В небеса, где сияет рассвет —

Синева, чистота и жемчужность,
Утомлённая светом строка.
Там, в Париже — судьба и ненужность.
Здесь, в России — забвеньё, пока...

Авиакатастрофа

Опять в расщелине душа —
И горы, горы
Своё высокое вершат...
А мне — их норы
И лабиринты, где найти
Свой след придётся...
Сейчас двенадцать без пяти:
Вот-вот порвётся,
Исчезнет, сгинет полоса
Аэродрома,
И будут падать голоса
Вдали от дома.
Успела... Подаёт жилет
Бортпроводница.
А мне ещё так мало лет,
Чтобы разбиться...

* * *

Нас по головам считают,
И по мыслям, и по душам —
Всех компьютер изучает.
У него теперь есть уши,
И глаза, и хищный рот —
Пересчитаны все люди,
Ното sapiens-ов род.

Только числа — миллионы,
Миллиарды — все живые —
Ядра, атомы, ионы —
Обнажённые, немые...
Счётчик щёлкает лихой,
Разделяет генофонды
На «хороший» и «плохой».

Питекантропов движенье...
Переписаны все даты...
Запрещается рожденье
Данте, Пушкина, Сократа.
Срочно надо жать на «стоп»!
...Когда разум отдыхает,
У безумья много троп.

Наёмник

Теперь ИГИЛ*, а раньше Аль-Кайда* —
Объект войны в эфире телерадио.
А у Тамары подрастает Лида,
Вторая дочь бухгалтера Аркадия.

Сначала он хотел коттедж за городом,
Ну а потом довольствовался дачкою.
Теперь исчез. Гуляет чёрным вороном
И кормится исламскою подачкою.

И вроде не замечен был в старании
Корана изучения, но в Сирии,
Где утро христианства длится раннее,
Теперь в песок кричит о перемирии

И ест его, как ел когда-то манную
Кашицу — зря мамыши его пичкала...
«Аллах акбар!» —

чалма склонилась странная.
Потёк бензин. И кто-то чиркнул спичкою...

* Запрещённые на территории России организации,
признанные террористическими.

Чужое бремя

Йога, медитация, нирвана —
Что древней седых Упанишад?
Возбуждает разум пранаяма,
Побеждает разум анаша...

В кайфе открываются причины
Следствий и космических пустот,
Интегральных чисел величины,
Перепады впадин и высот.

Заплатил и получаешь сдачу:
Воля иль неволя — всё равно,
И душа-рабыня горько плачет,
Умоляя повторить кино...

В Индии — сандали и мантры.
Не заметил с гордою сумой,
Как в плену остался у Веданты —
А душа кричит: «Пора домой!»

Там заждался крест твоих ладоней,
Мускулов расправленной спины.
Подними его в земном поклоне —
Это крест родной твоей страны.

Лёгко крест — вернись домой однажды,
Собери заждавшихся в горсти.
Почему чужое бремя жаждешь,
А своё не можешь понести?

Ференц Лист

Просветлённая кровь устремилась к аорте —
Горячо... Вдруг огонь возгорается чист.
Из пиано воздушного — к мощному форте
Сквозь века прорывается яростный Лист.

И бушует, сражает аккордами Ференц —
Из далёкого Веймара клавиш набег...

Напряжённо гудит в грозовой атмосфере
Двадцать первый,

свободой

отравленный

век.

Музыка

Звук вселенной в земном уборе —
Торжество и сиянье венца,
В золочёном солнцем соборе
Красотой восхищаться Творца,
Чьей любви светозарная нота
Не имеет начала вовек...
Бесконечная Бога забота —
Чтобы слышал его человек!

В парке перед Рождеством

Петровский парк засеребрился снежно,
Засахарились лужи и листья.
Пришёл мороз легко и неизбежно,
Расставив по земле свои посты

Сугробов ещё малых и не гордых
В преддверии зимы и разных тем —
Про цены и простуженное горло.
А впереди — январь и Вифлеем...

На храм высокий исподлобья глядя,
Где пребывает в таинствах Господь,
Где вечности читаются тетради,
Листается молитвенно Триодь —

Спешат пальто, пуховики и шубы...
Их неодушевлённые мечты —
Слетать в Париж, а может быть, на Кубу —
Так трогательно жадны и просты!

Хрустящий снег чуть слышно приминая,
Крадёт следом тень, а может — мгла.
Не понимают люди, что прямая
Дорога к храму рядом пролегла...

Кулак сжимает в небе грозно стужа,
Осколками изранил землю лёд.
И в Божий храм, где Литургию служат,
Петровский парк на исповедь идёт.

И слёзы потекли из кроны в корни,
Исчезли дупла, зажила кора...
Вдруг небо стало ясным и просторным,
И человек опомнился: «Пора!»

Благою весть приняв от всей природы,
Крестом спасенья душу осенив,
Он входит под Божественные своды
Небесных сил и золотистых нив,

Объемлющих Рождественские ясли —
Где солнце вечной истины встаёт...
И каждый в этот миг по-детски счастлив,
Что в друге рядом — Бога узнаёт!

Водосвятие

В морозные крещенские объятья
Торопится подводная луна
Из проруби, где чудо Водосвятия,
Как вечности великая волна,
Любовью разливается по миру...

И снова встали на свои места:
Луна — среди воздушного эфира,
Среди людей — о доблести мечта.

Голубка

Когда у меня остались лишь кофта одна и юбка,
А платье единственное пылилось в комиссионке,
Я пела любимую мамину песню «Голубка»
Сама себе — в барабанные перепонки.

И в такт стучали в висках о том молоточки,
Что денег нет, и жизнь не поймёшь, какая...
И только голубка в куплетах и между строчек
Меня утешала, полётным крылом лаская.

Когда через годы мой шкаф располнел от обжорства,
И вещи на «шмотки» своё поменяли имя,
Не хлеб насущный — душа моя стала чёрствой
И петь перестала: голубка теперь — с другими.

Окно распахнула в сад июльского лета —
Плоды наливаются, солнца щедры расходы...
Вновь мамина песня в четыре стороны света
Голубкой летит. Вернулась моя свобода!

Прощёное Воскресенье

Придёт Воскресенье Прощёное,
Пальтишко повесит на вешалке
И тощую сумку холщовую...
— Вот я и вернулось, нездешнее,
За вашими грузами тяжкими —
Злословием, гневом, обидами
И всякого рода букашками
С немислимыми корридами.

Всё это мне в сумку — безжалостно!
В бездонную и безразмерную...
Простите друг друга, пожалуйста!
И — к Богу... Последние — первыми!
Постом и молитвой проторена,
Слезами и потом омытая,
Пусть станет и ваша история
Хотя бы тропинкою Мытаря...

Вербная Русь

О Вербная Русь! Ты ещё не распята,
Ещё толькоходишь в Иерусалим...
Сначала дождётся Европа заката —
Обещан исход, и он уже зрим.

Но я не дождусь ни заката Европы,
Ни скорби твоей в Гефсиманском саду,
И даже не съезжу в Константинополь,
Но вместе с тобою до храма дойду.

Забыв о пророчествах, буду молиться
И хрупкие вербы твои обнимать,
И внукам скажу: «Ничего не случится,
Пока в наших душах — Родина-Мать!»

Исповедница

Св. Блаженная Матрона Анемнясевская Исповедница
(Матрона Григорьевна Белякова, 1864–1936 гг.)

Пролог

Петровское, Сокольники, Арбат,
Староконюшенный — налево — переулок
Устами старицы Матроны говорят,
Хоть нет домов, где свято промелькнуло

Её земное тяжкое житьё...
Понадобилось более полвека,
Чтоб времени негладкое шитьё
Святым изобразило человека.

Теперь идёт в Покровский монастырь
К мощам народ с надеждой и мольбами,
И очередь уходит в даль и в ширь —
Московская молитвенница с нами!

Она сказала мне: «Всем передай
Рассказ об Анемнясевской Матроне,
Она первой меня попала в рай...»
И подвела к сияющей иконе...

1.

Вокруг летали бабочки... Она
В платочке белом на одре сидела,
И ноги обнимала пелена,
И Матерь Божия на неё глядела.

Икона в обрамленье золотом —
И память, и надежда, и святыня —
Всё освещает: душу, мысли, дом;
И спрашивает: станем мы — какими?

2.

В стороне Рязанской — Анемнясево,
Девять вёрст до корабельной пристани.
Там, среди полей, дубов и ясеней,
Жил народ трудолюбивый исстари.

Обнялись незримыми дорогами
Всей России веси и сторонушки
И идут с печальями-тревогами
К Исповеднице — Святой Матронушке.

На вопросы тайные ответчица,
В немощи — великой силой ставшая,
Бережёт в любви своё Отечество,
На земле Российской просиявшая.

3.

Пьющий отец, мать от работы томится,
Хилые телом и духом — живут по привычке.
Восемь детей народили, устали молиться
И дочерям заплетать тугие косички.

Больше всего четвёртой, Матрёше, досталось
Злобы родительской — бьют и ругают дитяню.
Так семилетней по росту она и осталась
В теле младенческом, да и такая — нехстати.

Ласки и жалости не было к ней и в помине,
Даже когда заболела Матронушка оспой,
Мать положила за печку: «Если и сгинет,
Ртом будет меньше», — решила, жестокая, просто.

Выжило дитяtko, но от болезни ослепло:
Очи не видят ни света, ни мать, ни сестрёнок...
Тело Матронушки бедной ещё не окрепло —
Нянчила братца и вдруг уронила спросонок.

Бросилась мать на неё, озверев, с кулаками!
Вдруг опрокинула бабу чудесная сила —
Свет лучезарный пролился под облаками,
Это Царица Небесная с неба спустилась.

И, развернув пред Матроной вечности свиток,
В ручку его, как записку простую, вложила:
«Это любви моей к людям малый избыток,
Ты Расскажи им, зачем я к тебе приходила...»

б.

В сенях перед Богом лежала одна,
И к Богу народ приводила.
И в каждое сердце до самого дна
Слепыми очами светила.

Не счесть исцелений, дарованных чад
И подвигов духа смиренного.
Насквозь она видела рай и ад
В душе человека бренного.

Теперь уж на Западе виден пожар,
У трона царя — предательство.
И в этом горниле особый дар
Матронушке дан был — предстательство.

Молитвой спасала от смерти солдат,
От тюрем — людей невиновных.
Везде проникал слепой её взгляд —
Пронзительно ясный и ровный:

В дворцы и подвалы, в реальность и сны,
И в чёрные мысли тиранов.
А радость одна — ожиданье весны
И Пасха в невидимых храмах.

7.

В Дивеевской обители Блаженная
Мария рассказала вдруг паломникам
О матушке Матроне сокровенное,
До блюдечка дотронувшись половником:

«С Матроною великой я трапезую,
Ну а сегодня — сам архимандрит её
Принёс к обедне — тихую, но резвую
Душою, хоть и с плотью перебитою...»

Дивясь словам Дивеевской насельницы,
Паломники, вернувшись из обители,
Пришли к Матроне — эка ли безделица! —
Мария оказалась тайнозрителем!

Ответила Матронушка усталая:
«Там громкое услышала я пение...
Мне ухо заложило, надо талою
Водицею промыть его весеннею...»

Паломники ушли, и в одиночестве
Матронушка ударила по блюдечку:
«Зачем тебе, Мария, эти почести?
Зашей-ка лучше слева свою юбочку...»

О, как она молилась, сердцем строгая!
Мария отвечала так же истово
И пела ей: «У Бога ты, убогая!»
Сам Серафим Саровский был в той истине.

8.

— Расскажи о себе, Матрона,
О своей чудотворной силе.
Отвечала: «Кладите поклоны
И молитесь о нашей России.

Победит её демон злейший,
Возомнит он себя пророком,
Назовёт он себя мудрейшим —
Не осталось у времени срока...»

И увидели люди движенье
Её сухонькой детской ладошки,
Запечатанной крестным знаменьем
Белых бабочек на окошке.

9.

Старинный град Касимов. Там царевич
Иаков погребён в монастыре.
Ему постом голодным дух и чрево
Матрона обращала на заре.

Молилась о родителях ушедших
И о родне — на кладбище лежит.
А ей дано всем временем прошедшим
И будущим увидеть, как дрожит

Земля, где оскверняют Божьи храмы.
Монахов и священников в упор
Расстреливают правящие хамы,
Вдруг выползшие в сумерках из нор.

И боль сквозь слёзы к сердцу подступает:
«Все умерли, а я пока лежу —
Иссохшая, болезная, слепая,
И людям обездоленным служу.

Такую, знать, Господь мне выдал меру.
Его распятым видела я вновь.
Он мне сказал, что иссякает вера,
Но не иссякнет вечная любовь».

10.

Исхудала земля Рязанская,
Духовенство и храмы растерзаны.
Режет, режет война гражданская
По живому кровавым лезвием.

А в церквях, что остались целыми,
Обновленцы теперь беснуются —
ГПУшники оголтелые,
Как иуды, друг с другом целуются...

Сама же Матронушка тайну однажды открыла:
«Монахиня я! Царица Небесная знает.
Она подарила мне новое имя и крылья.
Царевич Иаков был с нею четвёртого мая...»

О, грешный язык, привыкший ласкать благозвучьем!
Святая Мардария — где же такую отыщешь?
Но время придёт, как приходят и чудо, и случай,
Когда изменяются судьбы сотнями тысяч...

12.

Касимов... Рязань... Дивеево...
Деревни и сёла дальние...
Но вот и Москвой повеяло
В дождливое утро раннее.

Донос поступил — столичная
Советская власть нахохлилась,
И стража пришла опричная,
Матронушка только охнула...

В бумаге дословно сказано:
«Изъять богомолку-выродка».
И увезли её связанной
Жестокие слуги Ирода.

На нарах Божья заступница
В Бутырской тюрьме томилась.
Особого званья преступница —
Всем подающая милость.

И в камерах заключённые
Запели: «Помилуй, Господи!»
О, как испугались зловонные,
В чинах и погонах особи!

В Дом хроников вывезли, спрятали
(Теперь там район Владыкино).
Ковшами прошлись экскаваторы
По кладбищу — кости выкинуть!

А ныне... Земля не коробится,
И в праздник июльского месяца,
Как храм Пресвятой Богородицы
Часовня Матронушки светится...

Эпиграмма

На белоснежных простынях
В палате, с потолками-вышкой,
Ты при последних своих днях
Всё чувствовал себя мальчишкой.

Шутил игриво с медсестрой,
Лекарства пряча под подушку.
И понимал вселенский строй,
И ведал мне о том на ушко.

А там, в неведомом краю,
Где свет не знает тени прочной,
Святой Владимир жизнь твою
Вложил в ладони беспорочной

Матроны, чей приходит день
Вслед за Владимиром — в июле.
Она ввела тебя под сень
Своей Любви, и промелькнули

Эпохи, страны, мать, отец,
Жена, сестра и дети, дети...
Какой счастливый был венец
Тебе сплетён на этом свете!..

Сейчас, когда закончил год
Ожесточать вдовство-сиротство,
Я вижу, как небесный свод
Мне подаёт своё господство

Живыми тайнами владеть...
Не знаю — много это, мало?
Но только я должна успеть
Продолжить всё, начав с начала.

2014–2016 гг.

Содержание

«Может, для кого-то это новость...»	7
Глобус	8
Орнамент	9
Шапка-невидимка	10
Медовый Спас	11
Лефортово	12
«Тёплый вечер шьёт кафтаны...»	13
Наш Орфей	14
«Небо над лесом...»	16
Лев Толстой и «косуля»	17
Поколение	18
«Нам разрешили жить как прежде...»	19
«Тысячелетье... Новый век...»	20
«Мир погрузился в частности...»	21
«О, мои солнца, у которых...»	22
«Родина, родник, народ...»	23
Прогулка	24
Инсталляция в Москве	25
«Балалайки, свирели, гармошки...»	26
Зоя Космодемьянская	27
«Поёт Россия молодая...»	28
Журналистка	29
«Вдвоём на кухне...»	30
Нижегородские мотивы	31
«Слова склоняются на Запад...»	32
«Кризис — Ибис, птица чёрная...»	33
Икона Божией Матери Огневидная	34

БОЛОТОВ

1. «Не ищите абсолют...»	36
2. «Вошёл в хоромы, пал перед образами»	37
3. «Андрей Тимофеевич...»	38
«Во мне опять тоскует лето...»	40
«Лунный день открывается ночью...»	41
Встреча с Есениным	42
Пушкинская осень	43
Мой памятник Пушкину	44
«Ахматова, Цветаева...»	45
«Увидела свет в пустыне...»	46
Разговор с ветром	47
Рыбалка	48
Дачники	49
Воспоминание о 1812 годе	50
Метель и вьюга	51
На смерть солдата	52
Учителю, которого не было	53

ОЛЬГА ЕВДОКИМОВНА

1. Оса	54
2. Полёт	55
3. Покров	56
4. Смирение	57
5. Рама	58
6. В саду	58
7. Одна	59
«Мой замысел когда-то был глубок ...»	60
«Так почуют движение весны...»	61
«В кафе лишь чай, салат и пирожки...»	62
Счастье	63

Вышивка крестиком	64
Апрель и солнце	65
«Я сварю себе компот ...»	66
Подарок	67
Иероглифы и пейзаж	68
Лилит и Ева	69
Свидание	70
«Болото чахнет... Солнце...»	71
«Умылся сад дождливой белизной...»	71
«Было утро ранним...»	72
Жизнь после жизни	73
От твоего имени. Первая любовь	74
Кашпо	75
Любовь земная	76
«И вдруг расширились ветра...»	78
«Ночь гуталином намазана густо...»	79
К Элеоноре	80
«Как хочется погладить всех и всё...»	81
«Сквозь февральскую вьюгу дорог...»	82
Художник.	83
Проводы зимы	84
«Иду к тебе — Крещатик за спиной...»	85
УКРАИНСКИЙ НАБАТ	
1. Второе мая	86
2. Хоровод	87
3. Плач матери	88
4. «Я верю в будущее...»	89
Симеиз	90
Пунктиры истории	91
Другая тишина	92
Икона Божией Матери Державная	93
Ладога	94

Историческая наука	95
Город Салават	96
«Страна моя — придаток сырьевой...»	97
В магазине	98
Экономика	99
Родине	100
Дорога в лесу	101
Сказка про зверей	102
Мечта о рае	103
Христоносец	104
РИМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ	
1. <i>Климент Римский</i>	106
2. <i>Мартин Исповедник</i>	107
Шио Мгвимский	108
Время	109
Пушкин в Захарове	110
О поэзии в ноябре	112
«Не могу говорить, как Пушкин...»	113
«Париж. Предместье Пер-Лашез...»	114
Кирилл Померанцев	115
Авиакатастрофа	116
«Нас по головам считают...»	117
Наёмник	118
Чужое бремя	119
Ференц Лист	120
Музыка	121
В парке перед Рождеством	122
Водосвятие	123
Голубка	124
Прощёное Воскресенье	125
Вербная Русь	126
ИСПОВЕДНИЦА (поэма)	127

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА»

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ОСЬМИНИНА
nadiaosminina@gmail.com

Вербная Русь

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМА

Редактор серии *Эдуард Побужанский*
Технический редактор *Денис Ефимов*
Дизайн и вёрстка *Дмитрий Климович*
Корректор *Ольга Орлова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 30.06.2016.

Формат 145x215 мм. Печать цифровая.

Тираж договорный.

ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»
127591, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2,
торгово-офисный центр «Норд Хаус», офис 31-121,
тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89.

izdat.su

НАДЕЖДА ОСЬМИНИНА — поэт, сценарист, публицист. Член Союза писателей России, член Литфонда, академик Евразийской Академии Телевидения и Радио (ЕАТР), член Союза журналистов России. Стихи отмечены дипломами Союза писателей России на конкурсах имени Ф. И. Тютчева, «Россия — Испания», «Православная Русь». Награждена медалью «За верное служение отечественной литературе», дипломом и медалью «М. Ю. Лермонтов». Автор поэтических книг «Узы» и «Андрей Рублёв» (удостоена литературно-общественной премии «Лучшая книга 2012–2014 гг.»). Награждена призами международных кинофестивалей «Телефондор» (за сценарии к документальным фильмам: «Старший сын Сталина», «Нюрнбергский процесс: вчера и завтра», «Матрона Московская») и дипломом ЕАТР «За талантливое воплощение православных традиций в документальном кино».